

О чем молчит русское общество

Начало 2008 года прошло при непрерывном обсуждении вопроса о предстоящих переменах в российском руководстве и возможном изменении в связи с этим политической стилистики. Немедленно завязалась привычная для наших интеллектуальных сфер дискуссия – о том, на каком языке теперь нужно разговаривать – либеральных ценностей или же национальных интересов. Следует ли вновь призвать либералов или же оставить в строю отдельных патриотов? Некоторые особо рьяные Аннибалы либерализма даже составили списки «хороших» и «плохих» интеллигентов, причислив к последним борцов с Ватиканом, московскими гей-парадами, а также всех, кто когда-либо поддерживал Путина, Медведева и «Единую Россию».

Мифическим либералам оппонировали консерваторы, которые либеральных «перемен» не хотели и упрекали в свою очередь «либералов» за открытое стремление занять места на Старой площади и вблизи нее. Спор стал напоминать полемику «либералов» и «консерваторов» времен «перестройки», и эта ассоциация не внушала оптимизма. Дело в том, что во всякой российской дискуссии в эпоху перемен существует опасность срыва в стилистику «Так жить нельзя!», то есть опасность истерической возгонки любого обсуждения любой конкретной проблемы (в одноименном документальном фильме Говорухина речь, помнится, шла об экипировке городского милиционера) до выводов о порочности экономического строя, политического режима и историческом бесплодии страны и цивилизации в целом.

Между тем, очевидно, что пресловутые «перемены» в стране и в самом деле необходимы – и в первую очередь нужны «перемены» в стилистике и качестве обсуждения общественных проблем. За последние годы российская журналистика облюбовала несколько устойчивых жанров, в рамках которых, как правило, идет разговор практически обо всех возможных сторонах жизни общества. Попытаемся перечислить эти жанры для того, чтобы понять, что мы в настоящий момент имеем и чего нам недостает.

Жанр аналитического «компромата» – характерной его особенностью является полное отсутствие каких бы то ни было ссылок на источники при обилии самого разнообразного фактического материала, в основном скабрёзного

свойства. Чаще всего тексты такого рода представляют собой добротные оформленные «сливы» различных ведомств и организаций друг на друга – качество подобных материалов оценить невозможно, поскольку никаких внутренних критериев достоверности приведенной информации они не содержат.

Гораздо более содержательный жанр публикаций – это так называемые экспертные комментарии. Они преобладают в российской журналистике примерно с конца 1990-х годов, со времени триумфального взлета таких изданий, как «Эксперт», «Профиль» и ряда интернет-порталов типа Политком.ру. От «экспертных комментариев» никто и не ждет жареных фактов и пикантных разоблачений, от них ожидают – как бы объективного взгляда на те или иные острые проблемы. Вся загвоздка здесь – именно в «объективном» взгляде. Не нужно быть поклонником Антонио Грамши, чтобы прийти к выводу, что по целому ряду наиболее существенных вопросов общественной жизни «объективного», отстраненного от собственных ценностных и теоретических установок, взгляда невозможно выработать в принципе.

Борис Межуев:
В последнее время возникает впечатление, что пользователь Сети стал уже уставать от зажигательных идей, мгновенно вспыхивающих в общественном сознании и столь же мгновенно исчезающих в том числе из памяти самого их автора

можно выработать в принципе. Ну, скажем, нельзя сказать что-то содержательное об уровне безработицы в стране, отвлекаясь от того, близки тебе или совершенно чужды социалистические умонастроения. От того, признаешь ли ты или не в грош не ставишь ценность всеобщей трудовой занятости.

Пафос экспертно-комментарийного жанра состоял в том, чтобы уйти от типичной для перестроечных лет идеологизации общественной жизни в целом и экономики в частности. От рассуждений в духе – свободный рынок – это хорошо и необходимо, поскольку мы больше не хотим жить при тоталитаризме, когда

расстреляли Гумилева и травили Ахматову. Подобная стилистика закономерно породила стремление закрыться от неприятных вопросов о ценностных основаниях своей позиции за языком профессионала, равнодушно ко всему, кроме цифр и фактов.

Крайний экономикоцентризм нашей постперестроечной публицистики (ярчайший пример – тексты экономических и военных корреспондентов популярной в 1990-е годы газеты «Сегодня») – следствие как бы отстраненного от всех идей и убеждений экспертного подхода, «родимым пят-

ном» которого может служить оппозиция «вменяемый/невменяемый». Согласно этому подходу, эксперты делятся на две разновидности: «вменяемых» (к коим относится сам говорящий и его единомышленники) и «невменяемых», «не понимающих простых вещей» (то есть, предположительно, всех прочих). В редких случаях «невменяемыми» оказываются и в самом деле тупицы и невежды, бездельники и казнокрады. Чаще этим словом именуются просто оппоненты, принадлежащие к какой-то альтернативной школе экономической или же государственной мысли. Поскольку мысли говорящего внутри текста риторически соотносятся с такой, на самом деле весьма проблематичной категорией, как «суть дела», то предмет спора с оппонентами для массы читателей большинства экспертных комментариев (в том числе и в самом деле компетентных и профессионально безупречных) так и остается скрыт.

Эмоциональная дефицитность экспертных комментариев была восполнена для российского читателя мощно поднявшейся с начала 2000-х годов интернет-публицистикой. Характерной чертой этого жанра является отнюдь не повышенная страстность, как это часто представляется. Главная особенность здесь в другом – представленный в сетевых текстах материал должен быть выстроен вокруг одной яркой, зажигающей, вовсе не обязательно верной идеи. Красота идеи, а часто ее смелость, новизна и особенно неполиткорректность, имеют самодостаточное значение. Нелепо подвергать такой текст докучливому критическому анализу – единственный критерий успеха здесь – резонанс в Сети и особенно в блогосфере.

Один известный сетевой публицист, например, заявил, что имперскую идею в России защищают в основном полукровки, люди, не способные четко определиться со своей национальной идентичностью. Статья вызвала огромный резонанс, на нее ответило большое число вполне уважаемых и уважаемых людей. Примерно такой же успех снискал себе текст другого имени того публициста и блоггера, который высказал точку зрения, что реабилитация нацизма в странах Восточной Европы и Прибалтики – прямое следствие осуждения Сталина в Советском Союзе при Хрущеве и его наследниках. Основную идею данного текста было невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, да она в этом и не нуждалась. Важен был немедленно вспыхнувший ропот возмущения и горячего одобрения со всех концов интернет-пространства. Проблема здесь не в том, что тексты такого рода доминируют в Интернете, проблема в том, что они задают своего рода образец, на который ориентируются другие авторы, стремящиеся обрести признание в кругу активных пользователей Сети и популярных блоггеров. Однако в последнее время возникает впечатление, что пользователь Сети стал уже уставать от зажигающих идей, мгновенно вспыхивающих в общественном сознании и столь же мгновенно исчезающих в том числе из памяти самого их автора.

Поскольку ценность журналистики как профессии в последнее время значительно снизилась, и большая часть подвизающихся в этом жанре профессионалов ищут способы найти свое место в разного рода политических

и бизнес-структурах, то в момент системной неопределенности в российских СМИ начал заметно преобладать также жанр «тонкого намека на толстые обстоятельства». Ровно в этом формате проходит вся небезызвестная полемика о так называемой «оттепели». Когда некоторая часть посвященных в эти самые «толстые обстоятельства» авторов обменивается читаемыми лишь узкой группой политтусовки сигналами, которые позволяют оценить степень читающих приобщенности (реальной или, чаще, мнимой) к кругу лиц,

принимающих какие-то важные и ответственные решения.

При такой скудости жанров оказывается полностью невозможным не то, что начать обсуждение каких-либо значимых для общества проблем, но даже ввести в них широкий круг читателей. Отсюда рождается представление – только отчасти верное – о том, что в России вообще нет никакой идейной жизни, или же она всецело сводится к обмену банальными лозунгами в духе пресловутых и нескончаемых споров «либералов» с «патриотами». Когда ни та, ни другая сторона даже не стремится более менее обоснованно выразить свою позицию, заранее надеясь на «понимание» и «сочувствие» идейно близко читателя. Короче, шаг за шагом мы опять возвращаемся к «перестроечному» формату текстов, в которых прогрессивный (консервативный) вывод заранее predetermined, а аргументация носит чисто риторический характер. Скажем, Алексей Венедиктов сегодня на голубом глазу может написать в журнале «The New Times», что России не следует бояться вступления Грузии в НАТО, поскольку тбилисское руководство рассматривает Северо-Атлантический альянс как орудие в борьбе не с Россией (или, точнее, не с опекаемыми нашей страной Абхазией и Южной Осетией), а с мусульманским фундаментализмом. Понятно, что такого, прозападного или, точнее, анти-антизападного, вывода ожидает читательская аудитория журнала, тогда как абсурдный довод в пользу заранее понятного тезиса – России нечего беспокоиться по поводу расширения НАТО, по поводу самого НАТО и вообще соседей с Запада – можно спокойно пропустить мимо глаз. Вполне в духе уверений лидеров демократического движения в начале 1990-х, что межнациональные конфликты на территории СНГ немедленно прекратятся с распадом советской империи.

Похоже, все возвращается на круги своя – то есть к стилистике «Так жить нельзя!».

И чтобы не допустить этого рокового возвращения к умственной безнадёжности рубежа 1980-1990-х, нужно качественно переломить ситуацию. Нужно задать принципиально иной ракурс рассмотрения, анализа и обсуждения всех сторон российской жизни. Нужно вдумчивое, профессионально честное введение читателя в интеллектуальный контекст всех основных общественно-политических событий. Я бы назвал жанр, который, как мне представляется, в наибольшей степени востребован сегодня, «интеллектуальным расследованием». Речь идет о выявлении и описании идейных аспектов тех или иных проблем методами аналитической журналистики.

На самом деле, в стилистике «интеллектуального расследования» может быть выполнена статья, относящаяся к самым разным жанрам – репортажа, биографического очерка, рецензии на популярный фильм и книгу. Самое существенное здесь – восприятие описываемых в тексте явлений как событий, имеющих, кроме чисто фактической стороны вещей, еще и глубинную идейную подоплеку.

Здесь нам на помощь может прийти журналистика американская – в последнее время мы часто слышим, что американская избирательная кампания

проходит гораздо интереснее, чем российская. И вообще многим интеллектуалам стало казаться, что в Америке вдруг жить интереснее, чем в нашей Отчизне. У этого восприятия много разных причин, но одна из них не вызывает сомнений: о чем бы ни спорили, о чем ни говорили кандидаты в президенты или другие видные фигуры американской политики – о НАФТА и аутсорсинге рабочих мест за рубежом, о мексиканской миграции, о налогодобложении, о роли религии в обществе – все это сразу же подвергается подробнейшему рассмотрению по меньшей мере в десятке крупнейших американских журналах. Читатель сразу же узнает,

кто и что думает в США о миграции, аутсорсинге, религии и прочем, с каким из идейных течений в той или иной области могут быть соотнесены взгляды кандидата, какие новые подходы предлагают близкие ему интеллектуалы. И, наконец, на какую острую для современной Америки и всего мира проблему выходит данное обсуждение.

У нас же подобной чести не достаиваются не только что отдельные замечания политиков – мы ничего не можем узнать о том, кто, с каких позиций, исходя из какой теоретической базы составляет важнейшие документы для развития нашей страны, ту же самую «программу 2020», о которой ведутся

Нужно задать принципиально иной ракурс рассмотрения, анализа и обсуждения всех сторон российской жизни. Нужно вдумчивое, профессионально честное введение читателя в интеллектуальный контекст основных общественно-политических событий. Я бы назвал жанр, который мне в наибольшей степени востребован сегодня, «интеллектуальным расследованием»

такие жаркие споры в экспертных кругах. А поскольку более менее профессиональные тексты у нас в лучшем, повторюсь, случае пишут одни эксперты о других экспертах, то мы и получаем на выходе одни голые оценки «вменяемости/невменяемости» тех или иных рекомендаций и точек зрения.

Рецензии у нас также чаще всего напоминают экспертные заключения о достоинствах и недостатках рассматриваемого издания – а потому ни одна книга не становится событием в том случае, если она не задевает какие-то глубинные струны сетевых публицистов. То же и с фильмами. Общество буквально раскололось после просмотра фильма Тихона Шевкунова «Гибель империи. Византийский урок», но обсуждение этой пронизанной аллюзиями на события современных дней картины свелось к нудному выяснению вопроса о точности или неточности изображения в ней исторической канвы событий, приведших к падению Константинополя. Наверное, фильм не следует рекомендовать к изучению на уроках истории, но понятно, что картина никогда не произвела бы такого эффекта, если бы речь в ней шла именно о Византии, а не о нашей стране. Гораздо интереснее, чем суждения историков-византологов, было бы прочитать интеллектуальное расследование квалифицированного журналиста о том, какое место в православной общественности занимает отец Тихон Шевкунов и что в идеологическом и политическом отношении представляет из себя братство Сретенского монастыря.

Для американской журналистики описание интеллектуальных сетей в обществе, причем тех, которые оказывают влияние на политику, – занятие более чем привычное. О пресловутых неоконсерваторах был выпущен уже не один десяток книг. В России этим делом занимаются в основном представители разного рода правозащитных центров в отношении своих консервативных оппонентов, как правило, с целью выявления своего рода интеллектуального компромата. Впрочем, нужно приветствовать работу таких исследовательских центров, как «Интеллектуальная Россия» или же Фонд «Наследие Евразии», сделавших довольно много для описания интеллектуальной жизни российского общества. Между тем, следовало бы каждый раз привязывать аналитическое рассмотрение той или иной сети к конкретному поводу, связанному с этой сетью. В таком случае мы имели бы не исторический рассказ о некоторой группе лиц, а раскрытие еще одного, доселе неведомого гражданину проблемного аспекта бытия.

Короче говоря, новая журналистика должна заставлять читателя думать. Ее задача – не столько производить новые идеи, сколько уметь обнаружить присутствие этих идей в нашей жизни. Тогда наше существование хотя бы в какой-то мере перестанет казаться нам унылым и докучливым, мы перестанем считать себя людьми равнодушными ко всему, кроме денег и комфорта. И тогда наше слово наконец обретет весомость и внутри страны и за ее пределами, а русский язык станет не просто языком межнационального общения, но и тем языком, на котором интересно читать и полезно думать.